

УДК 327

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (1992–2006 гг.)

А.В. Белоглазов

Аннотация

Статья посвящена современным международным водным конфликтам в Центральной Азии. В ней рассматриваются две основные проблемы. Первую составляют вопросы использования трансграничных рек, прежде всего Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. В статье исследуется противостояние «верхних» стран – Таджикистана и Кыргызстана, на территории которых формируются основные реки региона, и «нижних» – Казахстана, Узбекистана и Туркменистана, являющихся основными потребителями воды. Вторая проблема – неопределенность статуса Каспийского моря и продолжающийся процесс его раздела между Россией, Ираном, Казахстаном, Туркменистаном и Азербайджаном. Особое внимание обращается на позицию России в каждой из обозначенных проблем и на возможные пути их урегулирования.

Вода – неперенная составная часть всего живого и, следовательно, важный и ценный ресурс. В современном обществе постоянно возрастает потребность в воде для бытовых нужд, а также для промышленности, сельского хозяйства, транспорта. Одновременно водные объекты являются хранилищами других видов ресурсов – биологических, минеральных, углеводородных, а также естественными транспортными коммуникациями.

Эксперты предупреждают, что вода, становящаяся «международным товаром», в XXI веке будет тем, чем в XX была нефть, и в ближайшем будущем цена литра воды будет значительно выше литра бензина. По мнению многих специалистов, в XXI веке одной из главных причин войн и конфликтов будет борьба за водные ресурсы и объекты.

При этом международное право как средство разрешения и регулирования водных проблем остается рудиментарным и неэффективным по сравнению с межгосударственными соглашениями. В итоге водные проблемы на Земле, а особенно в регионах Ближнего Востока и Центральной Азии, могут стать главным тормозом на пути к урегулированию многочисленных региональных и локальных конфликтов, став неразрешимой и перманентной проблемой для вовлеченных в конфликты сторон.

В мире насчитывается 263 трансграничных бассейна рек, ставших причинами за последние 50 лет более 500 «водных» конфликтов, приводивших более 20 раз к военным действиям. При этом в зоне конфликтов оказывались гидротехнические сооружения или они сами создавали повод для пограничных столкновений.

Кроме того, к водным проблемам относятся проблемы раздела трансграничных внутриконтинентальных водоемов, не подпадающих под морское право. Наиболее ярким примером является Каспий – кладовая не только водных, но и углеводородных и рыбных ресурсов. Споры по его разделу ведутся уже 16 лет с участием не только пяти каспийских государств, но и крупных внерегиональных игроков.

Россия имеет границу с 14 государствами и более 1000 пограничных и трансграничных водных объектов (рек, озер и водохранилищ). По многим из них существуют проблемы и спорные ситуации. Также она активно участвует в урегулировании водных конфликтов на постсоветском пространстве. Наиболее острые вопросы здесь упираются в разрешение двух взаимосвязанных блоков проблем, территориально относящихся к региону Центральной Азии. Это, во-первых, урегулирование проблемы трансграничных рек Аральского бассейна, а во-вторых, определение статуса Каспийского моря и его раздел между прикаспийскими странами.

Проблема трансграничных рек

Водный конфликт в Центральной Азии вызван, в первую очередь, тем, что воды в регионе катастрофически не хватает, причем ситуация год от года обостряется. Теоретически такого не должно быть: население среднеазиатских республик и южного Казахстана не превышает 50 млн. человек, а совокупный сток поверхностных вод – около 116 куб. км в год, причем вся эта вода доступна для забора. Таким образом, получается свыше 2320 куб. м на душу населения – более чем достаточно по мировым нормам [1].

И тем не менее, налицо дефицит, главным образом, из-за огромных нужд сельского хозяйства на искусственное орошение и колоссальных потерь – не менее половины общего объема потребления. Особенностью ведения сельского хозяйства в Центральной Азии, и главным образом в Узбекистане, является то обстоятельство, что в силу специфических почвенно-климатических условий для выращивания целого ряда сельскохозяйственных культур, прежде всего хлопка и риса, требуется полив в течение практически всего вегетационного периода. Для этого в советский период была создана разветвленная ирригационная система.

Проблема заключается в том, что почти вся используемая вода берется из двух главных трансграничных рек – Сырдарья и Амударья, впадающих в Аральское море и формирующихся в горах Памира и Тянь-Шаня. Сырдарья течет из Киргизии через Таджикистан в Узбекистан через густонаселенную Ферганскую долину и в Казахстан, Амударья – из Таджикистана в Туркмению и Узбекистан. Таким образом, богатые нефтью, газом и другим сырьем «нижние» страны – Туркмения, Узбекистан, Казахстан – находятся в водной зависимости от бедных «верхних» стран: доля Таджикистана и Киргизии в формировании стока поверхностных вод в регионе составляет порядка 85%.

Поскольку Таджикистан и Киргизия не обладают сколько-нибудь значимыми запасами углеводородного сырья, они кровно заинтересованы в развитии собственной гидроэнергетики. Но группа «нижних» государств, особенно Узбекистан, заинтересована в больших объемах воды для обеспечения собствен-

ного сельского хозяйства. Ведь в Центральной Азии более 90% валовой продукции растениеводства производится на орошаемых землях.

Однако реки Киргизии и Таджикистана – это не полноводные российские сибирские реки, поэтому для обеспечения бесперебойной работы расположенных на них ГЭС требуется вполне определенный режим использования имеющихся гидроресурсов. Этот режим состоит в том, чтобы сберегать воду и накапливать ее в водохранилищах в летний период, а использовать, т. е. осуществлять плановый сброс через турбины ГЭС, главным образом зимой. «Нижняя» группа государств региона, наоборот, заинтересована в том, чтобы летом, во время созревания урожая на полях, получать максимум воды для орошения, для чего зимой в водохранилищах необходимо накапливать воду.

Следует отметить, что в период существования СССР, при плановой системе экономики, проблема подачи воды для нужд народного хозяйства решалась из единого центра – Министерством водного хозяйства СССР. Летом по команде из Москвы вода шла вниз на поля, а зимой накапливалась. При этом «верхние» исправно снабжались нефтью, газом, углем.

И только после распада СССР, когда этот единый механизм управления был разрушен и появились собственные планы ведения хозяйства у каждой из бывших союзных республик, возникла конфликтная ситуация. Выяснилось, что за энергоносители надо платить, а вода осталась как бы бесплатной. Бишкек и Душанбе начали требовать денег за воду, более того – шантажировать «нижних», у которых резко возросла потребность в воде.

Дело в том, что из-за разрушения советских хозяйственных связей и деиндустриализации промышленное производство в регионе сократилось на 50%. Большинство оставшегося без работы и средств к существованию населения вынуждено было перейти к натуральному сельскому хозяйству. Кроме того, крупнейшие производители хлопка старались увеличить урожай, поскольку он стал практически единственной статьей экспорта. В результате площадь орошаемых земель стала неуклонно расширяться [2, с. 35].

Не получая энергоносителей, Киргизия и Таджикистан начали строить новые гидроэлектростанции, плотины и водохранилища, а также более интенсивно эксплуатировать старые. И теперь водохранилища пополняются летом, когда интенсивно тают ледники, а с наступлением холодов, когда потребность в гидроэлектроэнергии возрастает, их опорожняют.

Наибольшую проблему представляет режим работы гидроэнергетических объектов на Сырдарье и реках ее бассейна. Из 15 ГЭС Киргизии наиболее известен так называемый «Нарынский каскад» – комплекс гидроэлектростанций на крупнейшем притоке Сырдарьи реке Нарын, включающий пять ГЭС, а также особо значимые для республики ирригационные сооружения. Важнейшим элементом данного каскада является Токтогульское водохранилище и Токтогульская ГЭС.

При новом режиме их эксплуатации Киргизия зимой спускает такое количество воды, что берега и дамбы не выдерживают, вода разливается по территории Узбекистана и Казахстана и замерзает. В то же время орошаемые поля всех нижних стран все более страдают от засухи в летний период.

Ситуация наиболее резко обострилась в начале 2004 г. Из-за обильно прошедших в 2003 г. в регионе дождей зимний сброс значительно повысил уровень воды в основных водохранилищах региона – Токтогульском (Киргизия), Кайракумском (Узбекистан) и Шардаринском (Казахстан).

Больше всех от переизбытка воды пострадали низменные районы Казахстана (Кызылординская область). Раньше эта проблема решалась путем сброса излишков из Шардаринского водохранилища в Арнасайскую низменность (Узбекистан). Но в 2003 г. Узбекистан резко сократил отток воды, построив дамбы, в результате чего Шардаринское водохранилище стало наполняться до критической отметки.

У Казахстана в такой ситуации было лишь два варианта: либо сбрасывать все излишки в Сырдарью, что неминуемо привело бы к затоплению областного центра – Кызылорды, либо до максимума наполнять Шардаринское водохранилище. Но в последнем случае возникала опасность разрушения плотины Шардаринской ГРЭС, которая и сдерживала всю огромную массу воды в водохранилище. В результате переполненность Шардаринского водохранилища на 70 млн. куб. м привела к прорыву дамбы в конце февраля 2004 г. и на части районов Казахстана властям пришлось вводить чрезвычайное положение для борьбы с наводнением [3].

На Амударье, берущей начало в горах Таджикистана, положение не столь бедственное, но все же непростое. Крупнейшая в Таджикистане Нурекская ГЭС мощностью 3 млн. киловатт регулирует подачу около 40% воды, необходимой для Узбекистана и части Туркменистана. Соглашение 1996 года между Туркменистаном и Республикой Узбекистан о сотрудничестве по водохозяйственным вопросам [4] закрепило вододелиние стока Амударьи у водомерного поста Керки в равных долях пятьдесят на пятьдесят. Оно заключено как бессрочное, и официально никто эти доли не оспаривает. Но никто не контролирует точность водозабора. Многочисленные каналы Туркменистана, особенно грандиозный Каракумский канал имени Туркменбаши (бывший им. Ленина), очевидно, забирают гораздо больше воды, чем полагалось по договоренностям. А в итоге между туркменским Керки и нижележащим узбекским Туямуюном «испаряются» кубокилометры и воды не хватает для орошения полей Узбекистана, не говоря уже о пополнении высыхающего Аральского моря.

Из-за нехватки воды в ряде регионов Узбекистана, питаемых Амударьей, в частности в Каракалпакии, уже можно говорить о социальном и экологическом кризисе. Воды не хватает не только для аграрных целей, но и для чисто бытовых нужд населения. В результате проблема подачи воды давно вышла на уровень межгосударственных отношений и стала предметом острых разногласий.

Между тем еще в 1992 г. между странами Центральной Азии была достигнута договоренность о необходимости сохранения действовавшего с советских времен режима управления водными ресурсами бассейнов Амударьи и Сырдарьи. Это Соглашение о совместном использовании водных ресурсов государств Центральной Азии от 18 февраля 1992 г., подписанное министрами водного хозяйства в Алма-Ате [5, с. 7–8]. В дальнейшем это решение подтверждалось главами государств региона в Нукусе 20 сентября 1995 г. и в Кызылорде 19 апреля 1996 г. [6, с. 46].

Но на практике каждое из государств региона стремилось к собственной выгоде, поэтому механизм согласования не работал сколько-нибудь эффективно, хотя попытки его наладить на новой рыночной основе предпринимались неоднократно. В общих чертах схема должна была выглядеть следующим образом: Киргизия и Таджикистан, жертвуя своими интересами, должны обеспечить подачу воды в больших объемах летом, получая в качестве ответной меры природный газ, уголь и нефть в зимний период. Обсуждению различных аспектов данной схемы, в основном объемов поставок и цен, были посвящены десятки встреч руководителей государств Центральной Азии на самых разных уровнях.

Однако, по свидетельству зарубежных экспертов, «центральноазиатские страны вступили в международные конвенции только ради факта вступления в такого рода конвенции и избегают договоров, которые приведут к реформам в государственной политике или которые упоминают о воде» [7].

Заметим, что «водный вопрос» регулярно оказывался в центре внимания глав государств Центральной Азии практически на всех их встречах. Последняя подобная встреча состоялась в Астане, где 1 сентября 2006 г. собрались президенты Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана. Повестка дня саммита была связана исключительно с проблемой использования водно-энергетических ресурсов, а также экологии. Отсутствие заключительного совместного коммюнике по результатам встречи свидетельствует о сохраняющихся серьезных противоречиях между участниками встречи.

В последнее время в СМИ и в парламентах Киргизии, Казахстана и Узбекистана водная тема стала подниматься и обсуждаться уже в ракурсе обвинений в адрес своих соседей. Причем и журналисты, и парламентарии зачастую не стеснялись в выражениях и оценках. Подчас высказываемые позиции прямо возбуждали межэтническую рознь. Да и на встречах представителей центральноазиатских государств взаимные упреки также высказывались в резкой форме.

Несколько раз конфликт из-за воды между Ташкентом и Бишкеком переходил в плоскость силовых решений. Имевшие место локальные внутригосударственные и межнациональные конфликты из-за воды завершались, как правило, столкновениями и влекли за собой человеческие жертвы. Таким образом, недостаток воды приводит и приводит к острым конфликтам и до сих пор остается источником регионального напряжения. Более того, обстановка в области водопользования и вододеления все больше политизируется.

Специалисты считают, что этот вопрос будет оставаться актуальным в длительной перспективе, тем более что для его решения сторонами ведутся соответствующие военные приготовления. Так, например, воздушно-десантная часть Узбекистана была размещена в непосредственной близости от узбекско-киргизской границы рядом с Кампырабадским водохранилищем. Там проводятся военные учения с вполне конкретными целями.

Водная проблема приобретает еще более серьезное значение в условиях обострения традиционного стратегического соперничества между крупнейшими державами, особенно Россией, США и Китаем, за обеспечение своих интересов в регионе.

Так, на западе Китая быстрыми темпами завершается строительство водоканала «Черный Иртыш-Карамай», по которому часть вод верховья Иртыша

будет перебрасываться в район нефтяного месторождения близ города Урумчи. При реализации грандиозных планов Пекина восточная область Казахстана может быть обезвожена, поскольку казахстанские реки Или и Иртыш берут свое начало на территории Китая. Таким образом, планы Пекина стали еще одним дестабилизирующим фактором «водной проблемы» в регионе.

В подобной ситуации возрастает роль России в урегулировании водных конфликтов. Эта роль представляется двоякой. Во-первых, экономической, связанной со строительством и модернизацией водных объектов, и, во-вторых, политической, связанной с военно-политическим обеспечением интеграционных процессов.

Первыми шагами здесь стали российские проекты, осуществляемые РАО ЕЭС. К примеру, в январе 2003 г. РАО ЕЭС заключило пятилетний договор с киргизскими компаниями о ежегодной поставке в Сибирский регион электроэнергии из Киргизии.

Россия предложила также Киргизии принять участие в создании Евразийского энергомоста, т. е. единой энергетической системы СНГ, а впоследствии Европы и Азии. Но для этого необходимо активизировать ее гидроресурсы, в частности, построить две ГЭС на реке Нарын. Необходимым условием для реализации проекта является согласие Узбекистана и Казахстана, которым будет необходимо обеспечить бесперебойную поставку воды. И Россия может выступить гарантом в этом непростом вопросе.

С приходом в Киргизию российского капитала и российского бизнеса для энергетики республики наступают, наконец, лучшие времена. Будут достроены Шамалдысайская и Камбаратинская ГЭС. Совместные проекты по развитию электроэнергетики, включая восстановление, реконструкцию и модернизацию энергетических объектов, совместное строительство и использование Камбаратинского каскада ГЭС, а также экспорт электроэнергии в третьи страны были зафиксированы еще в Программе экономического сотрудничества Российской Федерации и Киргизской Республики на 2000–2009 гг., подписанной в Москве 27 июля 2000 г. [8].

У киргизской стороны есть предложения по строительству ряда ГЭС с участием России в верхних створах рек, в частности на реках Каракол и Суусамыр (составляющих реки Кокомерен – правого притока Нарына), в верховьях Таласа и на реке Сары-Джас.

В последнее время в России вопросы, связанные с водными проблемами центральной Азии, обсуждаются и решаются уже на государственном и межгосударственном уровне. Наиболее эффективное урегулирование проблемы возможно в рамках ЕвразЭС. Так, ЕвразЭС способствует экспорту электроэнергии «верхних» стран путем реализации избытков электроэнергии летней выработки. По инициативе России и ЕвразЭС началось строительство Сангтудинской и Рогунской ГЭС в Таджикистане, ускорилось строительство Камбаратинской ГЭС-1 и начато строительство ее второй очереди в Кыргызстане.

Завершение строительства Камбаратинских ГЭС № 1 и № 2 чрезвычайно важно для урегулирования конфликта. Расположенные выше Токтогульского водохранилища, они специально предназначены для работы в компенсирующем режиме, восполняющем снижение энергетической отдачи Нижне-На-

рынского каскада ГЭС в зимний период. С вводом этих ГЭС обеспечивается оптимальное использование водных ресурсов, полностью удовлетворяющее интересы как ирригации, так и энергетики всех государств в бассейне Сырдарьи, что навсегда исключает возможность возникновения каких-либо споров о режимах регулирования стока.

Для финансового обеспечения строительства объектов гидроэнергетического и водного хозяйства стран ЦА был создан Евразийский банк развития. Учредителями банка выступили Казахстан и Россия, которые сформировали фонд объемом 1.5 млрд. долларов. Банк при этом открыт для других государств сообщества. Специалисты ЕврАзЭС рассчитали, что развитие гидроэнергетики и устойчивого водопользования обеспечит дополнительные рабочие места в строительстве, в промышленности и в сельском хозяйстве за счет повышения продуктивности орошаемых земель [9].

Аналитики прогнозируют тенденцию к еще большему возрастанию роли водного фактора в политике стран Центральной Азии. По оценке специалистов, в ближайшие 10–20 лет демографический взрыв в регионе увеличит потребности в воде почти на 40%. Ситуация вокруг проблемы водоснабжения и водопользования в регионе становится все более критической, и нельзя не считаться с угрозой возникновения в будущем войн за господство над водными ресурсами. И здесь большую роль в ее предотвращении призваны сыграть военно-политические региональные организации, прежде всего ОДКБ и ШОС.

В любом случае путь к урегулированию существующих конфликтов пролегал через развитие конкретного и лишённого излишне декларативного компонента многостороннего сотрудничества государств с участием России. Односторонние же действия отдельных государств, которые сегодня имеют место, как бы они ни оправдывались заботой о благополучии конкретного народа, лишь обостряют ситуацию, отдаляя решение проблемы региональной безопасности и интеграции в Центральной Азии.

Проблема раздела Каспия

Каспийское море – самое большое внутреннее море мира. Его площадь составляет около 400 тыс. кв. км, общая длина береговой линии превышает 7 тыс. км [10, с. 244]. Уровень воды в нем на 28 м ниже уровня Мирового океана, а максимальная глубина моря – 1025 м. В Каспийское море впадают более 20 рек, среди которых крупнейшие – Волга, Урал, Терек и Кура.

Каспий – настоящая кладовая природных ресурсов. В море обитают многие породы промысловых рыб, среди которых наиболее ценные – осетр, севрюга, белуга, стерлядь и другие осетровые. Среди промысловых животных можно отметить эндемического каспийского тюленя.

Под дном Каспия скрыты огромные запасы нефти, газа, различных солей. По оценкам российских геологов, доказанные запасы нефти в Прикаспии – 12 млрд. т, перспективные – до 26 млрд. т, запасы газа – 7 трл. куб. м. Сводные американские оценки потенциальных ресурсов нефти и газа примерно в 3 раза превышают российские [11].

Кроме того, огромное значение имеет геостратегический ресурс Каспия – его расположение на стыке России, Закавказья, Центральной Азии и Ближнего

Востока. Через него проходят многие трансконтинентальные транспортные коридоры.

До 1991 года на Каспии было два государства – Советский Союз и Иран. Никаких споров по разделу Каспия между ними не было. При этом советские берега составляли около 87% всей береговой линии. После распада СССР здесь появились еще три независимых государства – Азербайджан, Казахстан и Туркменистан. Они сразу же поставили вопрос о переделе Каспия. Большинство проблем во взаимоотношениях пяти прикаспийских государств связано с разделом Каспийского моря и освоением его богатств.

Эти проблемы можно разбить на три основные группы. Первую составляют противоречия, связанные с разработкой нефтяных и газовых месторождений. Поскольку нефть и газ приносят большие деньги добывающим их странам, то государства Прикаспия борются за выгодный раздел шельфа на национальные сектора. При этом наиболее серьезные противоречия возникают между Туркменией и Азербайджаном, спорящих за принадлежность нескольких наиболее перспективных месторождений – Азери, Чираг, Кяпаз. Также существовали споры между Россией и Казахстаном по месторождениям Курмангазы, Центральное и Хвалынское, между Азербайджаном и Ираном по району Араз-Алов [12, с. 84] и т. д.

Вторая группа проблем связана с транзитом нефти и газа. Существует пять направлений транспортировки каспийского сырья: северо-западное – через Россию, юго-западное – через Грузию и Турцию, южное – через Иран, юго-восточное – через Афганистан и Пакистан и восточное – через Китай. Государства, через которые осуществляется транзит, получают за него плату. Однако борьба за пути транспортировки энергоносителей связана не столько с получением прибыли, сколько с геополитическим влиянием в Каспийском регионе.

Российская система трубопроводов наиболее развита и эффективна. Россия транспортирует по ним не только добываемые ею на Каспии нефть и газ, но и ресурсы других каспийских государств. Так, она транспортирует азербайджанскую и казахстанскую нефть по трубопроводам Баку-Новороссийск, Тенгиз-Новороссийск, Атырау-Самара, КТК (Каспийский трубопроводный консорциум) и др. Туркменский газ поставляется в Россию, на Украину и в Европу по газопроводам «Газпрома» от месторождений Довлетабад и Шатлык. С 2006 года действует газопровод «Голубой поток» из России в Турцию.

Кроме того, Азербайджан в 2006 году начал поставки нефти через территорию Грузии и Турции по нефтепроводу Баку-Тбилиси-Джейхан. Казахстан с конца 2005 года транспортирует нефть по трубопроводу в Китай. Туркмения планирует проложить газопроводы через Иран, по дну Каспийского моря – к Азербайджану и далее, а также – продавать газ в Китай.

Соединенные Штаты прикладывают большие усилия для транспортировки энергоносителей в обход России, Ирана и Китая. Они обеспечивают западное направление трубопроводов через Каспий, идущие через Закавказье в Турцию. Первым шагом здесь стал ввод в строй в 2006 году нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан. Планируется подключение к нему казахстанской трубы у Сангачальского терминала на азербайджанском побережье Каспия. Южное направ-

ление транспортировки предполагается осуществлять через территорию Афганистана и Пакистана к терминалам порта Карачи на Аравийском море.

Третью крупную группу проблем составляют противоречия, связанные с дефицитом рыбных запасов Каспия. Еще сравнительно недавно выручка Советского Союза от экспорта черной икры и осетровых рыб была сравнима с доходами от продажи нефти и газа. Однако браконьерский, почти неуправляемый лов осетровых во всех новых прикаспийских государствах привел к резкому снижению их поголовья. До раздела моря каспийские государства стремятся получить максимум возможного, что может привести к полному исчерпанию рыбных запасов Каспия. Страны Каспия поставляют на рынок 80% производимой в мире черной икры. В 2006 году ООН запретила всем прикаспийским странам, кроме Ирана, экспортировать черную икру Каспийского моря в рамках Конвенции по контролю за торговлей редкими и исчезающими видами флоры и фауны. 2 января 2007 года запрет был снят, и прикаспийским странам в текущем году разрешили экспортировать 96 тонн икры осетровых рыб¹.

Все эти проблемы существенно обостряются в связи с активным вмешательством в дела региона крупных внешних геополитических игроков – США, Евросоюза, Китая. Особенно активны здесь Соединенные Штаты Америки, объявившие в 1997 году Каспийский регион сферой жизненных интересов США. Решение же практически всего комплекса каспийских проблем упирается в неурегулированность правового статуса Каспийского моря.

До распада СССР правовой статус Каспия определялся двумя договорами, подписанными между Россией и Персией в 1921 году и между СССР и Ираном в 1940 году. В соответствии с ними только суда указанных стран могли плавать по Каспийскому морю под своим флагом, и только они имели право на свободное судоходство и рыболовство. Вода моря и его дно никак не делились.

Вопрос о пересмотре международно-правового статуса Каспия возник после распада СССР. Поскольку новые независимые государства не являлись участниками прежних договоров и не имели никаких исторических обязательств, они считали себя свободными в своих действиях. Все они, опираясь на иностранные инвестиции, техническую, политическую и военную помощь, начали де-факто эксплуатацию своих секторов шельфа и водного пространства. Это привело к многочисленным столкновениям интересов и конфликтам.

С середины 1990-х годов представители прикаспийских стран начали собираться для выработки единой позиции. Уже на первой встрече в июне 1995 года в Тегеране было решено, что определение правового статуса Каспийского моря включает вопросы судоходства, использование биологических ресурсов, вопросы экологии, вопросы использования минеральных ресурсов, определение предела суверенных прав и юрисдикции. Также страны договорились о создании постоянно действующего переговорного механизма по выработке статуса. Однако существенные различия в подходах не позволили до сих пор урегулировать вопрос о статусе Каспия.

---

¹ СИТЕС утвердил квоты на экспорт черной икры из прикаспийских государств (см.: www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=6775).

Россия с самого начала выдвинула требование о признании уникальности Каспийского моря как закрытого водоема, не подпадающего под действие международного морского права. Его ресурсы провозглашались объектом совместного использования на принципах кондоминиума. Все вопросы деятельности, включая освоение ресурсов, должны были решаться с участием всех прикаспийских государств. В качестве механизма по реализации этих усилий предполагалось создание региональной организации по сотрудничеству.

Россия считает необходимым до полного завершения переговоров пяти прикаспийских государств о статусе Каспия неукоснительно руководствоваться советско-иранскими договорами. А это означает, что единственно правомочным на Каспии в настоящее время является режим общего для всех прибрежных стран и закрытого для всех остальных морепользования. Эксперты ООН по морскому праву в 1995 году подтвердили юридическую обоснованность такой позиции России.

В то же время в 1996 году Россия согласилась признать юрисдикцию каждого прикаспийского государства в прибрежных зонах шириной до 45 миль, а также в отношении месторождений за пределами этой зоны, где добыча нефти уже ведется. Остальное пространство моря должно было оставаться в общем ведении. Однако это предложение не устроило большинство стран.

Тогда в 1998 году Россия выдвинула еще одно предложение – справедливый раздел дна Каспия при сохранении в общем пользовании водной поверхности. При этом необходимо обеспечить свободу судоходства, согласованные нормы рыболовства и защиту окружающей среды. Однако оставался открытым вопрос – как делить дно?

В 2001 году Россия сделала еще один шаг – предложила делить дно Каспия по модифицированной срединной линии. Метод модифицированной срединной линии – компромиссный, ибо позволяет по взаимной договоренности отступить от обычной срединной линии в пользу той или иной стороны.

4 октября 2003 года Россия, Казахстан и Азербайджан подписали трехстороннее соглашение по разделу дна Каспия. Согласно трехсторонним договоренностям, казахстанская часть дна Каспия составила 29%, российская и азербайджанская части – по 19%. Это решение вызвало негативную реакцию Тегерана, который заявил о непризнании соглашения.

Иран изначально разработал подход к определению правового статуса Каспийского моря, во многом схожий с российским. Он поддерживает российский тезис об уникальности Каспийского моря, что позволяет исключить его из сферы действия морского права. Сначала Иран выступал за кондоминиум. Однако с середины 1990-х годов он выдвинул запасную позицию: равнодолевой раздел Каспия – по 20% акватории и дна.

В 2001 году в Иране была создана группа опытных экспертов для анализа прецедентов раздела моря в мировой практике. В результате Иран сумел найти научно обоснованную модель раздела моря на основе международных норм, которая в свое время была одобрена всеми сторонами. По этой модели был осуществлен раздел Северного моря между тремя странами – Францией, Данией и Германией. Если ее применить при разделе Каспия, Иран получит от 19.7 до 20.3%. Такой вариант, конечно, не был полностью одобрен прикаспийскими го-

сударствами, но в общих чертах они согласились с ним [13]. Проблема состоит в том, что площади, на которые претендует Иран, относятся к азербайджанскому сектору и считаются самыми богатыми в плане залежей нефти и газа.

Подход Азербайджана, основанный на развитом нефтегазовом комплексе, построенном в советские годы, многие исследователи определяли как «самый экстремистский». В октябре 1995 года Баку представил свой проект Конвенции по правовому статусу Каспия. В нем отмечалось, что это не море, а международное пограничное озеро. Поэтому оно должно быть разделено в соответствии с практикой разделения международных пограничных озер на пять частей. Каждое прибрежное государство имеет суверенитет над соответствующим сектором. Более того, в ноябре того же года была принята новая конституция Азербайджанской республики. В ней говорится, что «составной частью территории Азербайджана являются ... принадлежащий ей сектор Каспийского моря (озера) и воздушное пространство над ним» [14].

Такая позиция была сформирована в связи с приходом в Азербайджан иностранных нефтяных компаний, благоприятными прогнозами, повышенным интересом со стороны администрации США, подкрепляемым мощной пропагандистской кампанией. Так, например, в апреле 1995 года президент США Б. Клинтон в специальном послании Гейдару Алиеву поддержал секторальный раздел Каспия. Он отметил, что нынешний режим кондоминиума сдерживает потенциальных инвесторов, позволяя любому из участников, в том числе и Ирану, воспользоваться правом вето [15].

Баку требует определить национальные сектора Каспия путем «продления» сухопутных границ до срединной линии моря. В этом случае границы соответствующих секторов становятся государственными границами со всеми вытекающими отсюда последствиями. В первую очередь это означает, что каждое прибрежное государство в своем секторе имеет полный и исключительный суверенитет на все виды деятельности. Любая деятельность другого государства, включая судоходство, полеты, научные исследования, может осуществляться только с согласия хозяина сектора.

В этом варианте есть два негативных момента. Во-первых, Каспий как внутриконтинентальный водоем чрезвычайно уязвим с экологической точки зрения. Бесконтрольная эксплуатация азербайджанского сектора Каспия или реализация азербайджано-казахстанского проекта прокладки нефтепровода по дну моря могут нанести вред экологии всего моря.

Во-вторых, такой раздел Каспия ущемляет интересы большинства прикаспийских государств в отношении судоходства и возможностей осуществления двустороннего сотрудничества. Так, Россия лишается общей границы с Туркменистаном и Ираном, Туркменистан – с Россией, Иран – с Казахстаном и Россией, Казахстан – с Ираном. Только Азербайджан сохраняет общие границы со всеми прикаспийскими государствами [16, с. 7–8].

В 2001 году, во время визита в Баку, президент В.В. Путин сделал совместное заявление с президентом Г. Алиевым по Каспийской проблеме. В нем говорилось, что «на первом этапе предлагается разграничить дно Каспийского моря между соответствующими сопредельными и противолежащими государствами

на секторы на основе метода срединной линии, проводимой с учетом равноудаленности точек и модифицированной по договоренности Сторон» [17].

В результате в сентябре 2002 года было подписано соглашение, урегулировавшее многие спорные вопросы и поделившее дно Каспия в приграничном секторе между Россией и Азербайджаном.

Казахстан в 1994 году представил на рассмотрение прикаспийским государствам свой проект Конвенции о правовом статусе Каспийского моря. В нем Каспий рассматривался как замкнутое внутреннее море. В этом случае, согласно Конвенции ООН по морскому праву, государственная граница устанавливается по ширине территориальных вод в 12 морских миль (22,22 км), а также определяются пределы исключительной экономической зоны каждого государства. Тем самым Казахстан начал сближение с позицией Азербайджана.

Близкие позиции Казахстана и Азербайджана были окончательно согласованы в сентябре 1996 года в специальном заявлении президентов Г. Алиева и Н. Назарбаева о принципах определения статуса Каспийского моря, сотрудничества в его акватории и на шельфе, которые полностью совпали. Страны заявили о солидарности в отстаивании своих интересов и признали право друг друга и каждого из прибрежных государств на проведение работ по освоению минеральных и биологических ресурсов.

В этот период Казахстан предпринял определенное давление на Россию с целью создания прецедента по разделу моря. Результатом явилось подписание в 1998 году Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование. Позже, в 2002 году, был подписан Протокол к нему, в котором Россия и Казахстан договорились о разработке на паритетных началах трех спорных крупных нефтяных месторождений на Северном Каспии – Хвалынское, Центральное и Курмангазы [18, с. 148–149].

Туркменистан первоначально разделял позицию России и Ирана о том, что Каспий – внутренний водоем, к которому не могут быть применены категории морского права и сепаратные разделы. Однако уже в 1993 году он первым из прикаспийских государств установил морскую территорию шириной 12 морских миль, распространив свою юрисдикцию на обширный участок Каспийского моря. В 1996 году главы внешнеполитических ведомств Туркменистана, Ирана и России подписали трехсторонний меморандум о сотрудничестве в освоении минеральных ресурсов Каспийского моря. Министры Азербайджана и Казахстана в знак протеста покинули переговоры.

Однако после односторонних активных шагов Казахстана и Азербайджана и особенно после активизации Азербайджана на шельфе вблизи туркменских берегов Туркменистан выступил за секторальный раздел Каспия. При этом его видение деления гораздо ближе к иранскому «запасному» варианту – деление и дна, и воды.

В декабре 2006 года Туркмения предложила Азербайджану начать прямые двусторонние переговоры по разграничению Каспия на высшем уровне. Однако смерть Президента Сапармурата Ниязова помешала развитию этой инициативы.

Таким образом, первоначально за раздел Каспия на сектора национальной юрисдикции голосовали Азербайджан и Казахстан, против такого раздела моря (с теми или иными оговорками) выступали Россия, Иран и Туркменистан.

До ноября 1996 года Москва, Ашхабад и Тегеран полностью отрицали возможность национализации участков моря в центральной его части. Однако их позиция со временем стала более гибкой: идти на конфронтацию с Баку и Астаной не выгодно ни одной из прикаспийских стран. К тому же иностранные нефтяные компании уже имеют «весомое слово» в регионе.

Кроме того, британо-американский план «Шторм над Каспийским морем» предусматривает установление транснационального контроля над каспийскими ресурсами в случае, если разногласия Азербайджана и Казахстана с другими странами региона усилятся.

В результате на севере Каспия Азербайджан, Россия и Казахстан практически достигли согласия. На юге между Азербайджаном, Ираном и Туркменистаном также наметилось сближение позиций.

Сейчас вокруг каспийских проблем в регионе образовалось два лагеря. В первый из них входят Азербайджан, Казахстан и Россия, которые принимают позицию Москвы, выступающей за поделенное дно и общую воду в Каспийском море. Второй лагерь образуют Иран и Туркменистан. По их мнению, необходимо поделить и дно, и воду. При таком разделе необходимо создавать морские национальные границы, а подобные вопросы решаются уже на основе совсем других международных правил и договоров.

Процесс решения проблем, связанных с Каспийским морем, продолжается уже 15 лет. К 12 годам приближается время, в течение которого проводятся регулярные заседания специальной рабочей группы. За этот период договоренности достигнуты приблизительно по 70% вопросов, касающихся окончательного варианта конвенции. Это, прежде всего, название самой конвенции и те моменты, которые четко прописаны в международных договорах и правовых актах, подписанных в связи с подобного рода проблемами.

Что же касается Каспийского моря, то здесь возникают вопросы, аналогов которым прежде никогда не было. Специальной рабочей группе приходится впервые в мировой практике решать такие вопросы. Прикаспийские страны не имеют опыта устранения существующих в этой связи проблем, и поэтому каждая из них предлагает путь решения, который отвечал бы ее интересам. А эти интересы не всегда встречают понимание со стороны остальных государств.

Однако процесс разрешения вопросов неуклонно продвигается. Главное, по мнению России, чтобы они решались исключительно самими прикаспийскими странами. Так, во время визита в Тегеран в октябре 2004 года, комментируя проблему расширения американского присутствия в Каспийском регионе, министр иностранных дел РФ С. Лавров напомнил, что в рамках работы прикаспийских государств «получила признание идея о том, что Каспий должен быть зоной, в которой не происходит военная деятельность иных государств» [19].

К настоящему времени прошло уже 20 встреч рабочей группы по разделу Каспия. Последняя встреча состоялась в марте 2006 года. На ней министр иностранных дел России С. Лавров заявил, что «гибкий подход в решении проблемных вопросов, в числе которых раздел акватории, дна и недр Каспия, про-

кладка трубопроводов, а также присутствие вооруженных сил, очень важен... Чем большая часть Каспия останется в общем пользовании – тем лучше для сохранения ресурсов моря... Управление ресурсами моря должно строиться на коллективных началах. Сплошь перекроенный секторами и границами Каспий будет вряд ли тем, что мы хотим видеть» [20].

При условии претворения в жизнь этого важнейшего принципа Каспий вновь станет зоной мира, добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества. В первом квартале 2007 года должен был состояться саммит глав прикаспийских государств в Тегеране. Об этом в декабре прошлого года сообщил министр иностранных дел Ирана Манучехр Моттаки². В связи с обострением ситуации вокруг иранской ядерной программы, а также в связи со сменой руководства в Туркмении он был перенесен на неопределенный срок. Однако есть надежда, что этот саммит все же состоится и поставит окончательную точку в процессе раздела Каспия в интересах всех прикаспийских государств.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что проблемы водных ресурсов и водных объектов в Центральной Азии чрезвычайно актуальны и требуют самого пристального внимания, всестороннего исследования и безотлагательного решения. Российская Федерация может и должна выступить активным участником урегулирования водных конфликтов в интересах всех стран региона, а также гарантом стабильности и неуклонного выполнения достигнутых договоренностей.

Summary

A.V. Beloglazov. International water conflicts in Central Asia (1992–2006).

This article is devoted to the modern international water conflicts in Central Asia. Two main problems are the subject of this article. The first problem is dealt with the usage of transbordered rivers Amu Darya and Syr Daria. Confrontation between upper countries (Tajikistan, Kyrgyzstan) and lower ones (Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan) is analyzed. The main rivers are formed on the territory of upper countries. Whereas lower countries are the main water consumers. The second problem is the Caspian sea status uncertainty and continuing process of its division between Russia, Iran, Kazakhstan, Turkmenistan and Azerbaijan. Special attention is paid to the Russia position in each marked problems and possible ways of their regulation.

Литература

1. Вода Кыргызстана и ее воздействие на региональные отношения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.toscca.co.uk/lecture%20notes/DjailoWater%20KR.ppt.
2. *Olkott M.B.* Central Asia's Second Chance. – Washington: D.C., 2005. – P. 488.
3. *Бродский С.* Водный миф [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.dialog.kz/site.php?lan=russian&id=139&pub=637.
4. Соглашение между Республикой Узбекистан и Туркменистаном о сотрудничестве по водохозяйственным вопросам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cawater-info.net/library/rus/uzb_tur_1.pdf.
5. Трансграничное водное сотрудничество в новых независимых государствах. – М.-Женева: Европейская экономическая Комиссия ООН, Министерство природных ресурсов РФ, 2003. – 36 с.

² См.: www.warandpeace.ru/ru/news/view/6214/.

6. *Валентини К.Л., Оролбаев Э.Э. Абылгазиева А.К.* Водные проблемы Центральной Азии. – Бишкек: Междунар. ин-т стратегических исследований при Президенте Кыргызской республики, 2004. – 142 с.
7. *Sievers E.W.* Water, Conflict and Regional Security in Central Asia // *Environment Law J.* – 2002. – V. 10, No 3. – P. 13.
8. Договор от 27 июля 2000 г. между Российской Федерацией и Киргизской республикой об экономическом сотрудничестве на 2000–2009 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sng.allbusiness.ru/BPravo/DocumShow_DocumID_87735.html.
9. *Мироненков А.* Что кроется за нехваткой воды: ситуация с наличием водных ресурсов и водопользованием в Центральной Азии [Электронный ресурс] / Выступление на презентации глобального Доклада ПРООН о развитии человека за 2006 год «Что кроется за нехваткой воды: власть, бедность и глобальный кризис водных ресурсов», Москва, 9 ноября 2006 г. – Режим доступа: www.analitika.org/article.php?story=20061114224933178.
10. Географический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1989. – 592 с.
11. *Ример М.* Каспийский регион и его значение в обозримом будущем // *Power and Interest News Report.* – 14.01.2004.
12. *Кулагина Л.М., Дунаева Е.В.* Граница России с Ираном. История формирования. – М.: ИВ РАН, 1998. – 122 с.
13. Интервью специального представителя ИРИ на переговорах по Каспию Мехди Сафари о проблеме Каспия 25.12.03. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.iran.ru.
14. Конституция Азербайджанской Республики. Ст. 12. – Баку, 1995. – 16 с.
15. Независимая газета. – 1995. – 6 декабря.
16. *Бутаев А.М.* Каспий: море или озеро? – Махачкала, 1998. – 42 с.
17. Совместное заявление Российской Федерации и Азербайджанской Республики о принципах сотрудничества на Каспийском море // *Дипломатический вестник.* – 2001. – № 2. – С. 48–49.
18. О заключительной российско-казахстанской встрече по проблеме разграничения дна северной части Каспийского моря [Электронный ресурс] // Информационный бюллетень МИД РФ. – М., 2002. – Режим доступа: www.mid.ru/ns-rsng.nsf/6bc38aceada6e44b432569e700419ef5/432569d80022146643256bb9004a82c4?OpenDocument.
19. Стенограмма ответов Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на вопросы российских и зарубежных СМИ по итогам переговоров с министром иностранных дел Ирана К. Харрази в Тегеране 10 октября 2004 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mid.ru/brp_4.nsf/sps/5D98753E4B975260C3256F2A004A51A2.
20. Стенограмма вступительного слова Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на XX заседании Специальной рабочей группы по определению правового статуса Каспийского моря, Москва, 14 марта 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mid.ru/brp_4.nsf/sps/C5390B5AE5B5A55AC32571310036E261.

Поступила в редакцию
16.02.07

Белоглазов Альберт Владиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Казанского государственного университета.